

ратуры подтекста", всегда имеет только один конкретный смысл⁴. Разумеется, споры относительно интерпретации того или иного письма (либо отдельного пассажа) могут и должны возникнуть. Однако возможное столкновение мнений лишь продвинет ученых по пути адекватного понимания того или иного письма.

⁴ *Sevcenko I. Nicolai Cabasilas' Correspondence and the Treatment of Late Byzantine Literary Texts // BZ. 1954. Bd. 47. Nbd. 1. S. 49.*

Византистика в Журнале испанских эллинистов

Издающемуся в Испании журналу "Erytheia"¹ – десять лет. С 1982 года вышло двенадцать его номеров. Появление этого издания связывают с растущим в последние годы интересом испанских ученых к византийской тематике. Вот уже десять лет в Испании регулярно проводятся византийские чтения, несколько лет назад испанские ученые присоединились к международному сообществу византистов и формально. Издаваемый под эгидой Испано-греческой Культурной Ассоциации журнал, впрочем, не ограничивает себя хронологическими рамками византийского периода: определенное внимание уделяется в нем истории и культуре Греции также более позднего времени вплоть до новейшего. Изящное оформление небольших по формату томиков "Эритейи" (каждый номер выходит чаще всего двумя выпусками) отличает их по виду от обычной академической периодики.

Спектр научных исследований в "Эритейи" весьма широк – это археология и лингвистика, искусство и палеография, история и литературоведение. Сам характер материалов в известной степени предопределен молодостью испанской византистики, обусловлен новизной обращения к византийским темам. Так, в первых номерах отдельные статьи явно рассчитаны на то чтобы завлечь читателя авантюриными, истинно "византийскими" сюжетами, вызвать интерес к предмету у "непосвященных". Примером могут служить такие статьи, как "Феодора до императорских облачений" Луиса Альберто де Куэнка или "Велисарий, история и легенда" Хулио Валеро Гарридо (обе с № 1).

Впрочем, эту своего рода просветительскую линию редакция "Эритейи" не оставляет и далее, выходя, однако, на иной, более серьезный уровень читательских интересов. В журнале сложился особый тип статей: не являясь непосредственным и оригинальным исследованием источников, они представляют собой аналитический обзор современных взглядов на ту или иную проблему, в котором находит место и аргументируется, как правило, также и собственная точка зрения автора обзора.

Своего рода образцом подобного жанра можно считать большую, на три печатных листа,

¹ *Erytheia: Revista de estudios bizantinos y neogriegos. N 11–12 / Ed. Pedro Bádenas de la Pena.*

Ф. Тиннефельдом осуществлен перевод немногим более половины эпистолярного наследия Димитрия Кидониса, Одного из самых плодотворных в XIV в. корреспондентов. Предстоит издать переводы еще 220 писем этого автора. Следует надеяться, что эта колоссальная работа по переводу и осмыслению большого корпуса писем будет завершена.

М.А. Поляковская

статью Антонио Браво и М. Хосе Альвареса "Византийская цивилизация XI–XII веков – заметки к неоконченным спорам" (№ 9-1), которая вводит в круг важнейших вопросов современной византиноведческой науки. Великолепно ориентирующиеся в большом потоке литературы авторы ставят своей задачей "познакомить испанского читателя-неспециалиста с некоторыми проблемами интерпретации византийского общества XI–XII веков, предложенной в книгах Александра Каждана и в некоторых других новейших работах". Этот серьезный анализ проблем, поставленных учеными-византистами (особое внимание уделено изучению экономической истории Византии в контексте Западной Европы), будет полезен каждому, кто захочет получить информации, в том числе и библиографическую, о византийском обществе XI–XII вв. в свете современной научной мысли.

В таком же жанре выдержаны и некоторые другие работы Антонио Браво. Так, в статье "О судьбах греческой поэзии в Византии" (№ 7-2), придерживаясь тезиса о континуитете и опираясь на труды Р. Браунинга, Г. Хунгера и некоторых других исследователей, Антонио Браво прослеживает бытование, трансформацию и роль античной словесности в разные периоды византийской истории. В статье "Интерпретация сновидений в Византии" (№ 5) в поле зрения Антонио Браво попадают главным образом работы известных византистов К. Мэнго и Ж. Дагрона. Суммируя итоги их наблюдений, испанский ученый показывает, что произведения, касающиеся сновидений – области, казалось бы, ирреальной, содержат сведения о таких конкретных и существующих сторонах действительной жизни, как игры и медицина, ремесла и общественные бани, похороны и проституция, еда, праздники и прочее. Мимо этих сочинений, – справедливо отмечает Браво, – нельзя пройти, создавая портрет византийского общества.

К тому же типу, что и отмеченные выше работы, тяготеет и статья К. Серрано о Фотии как носителе классической культуры, а также основательный труд Ш. Энол "История и археология палестинских провинций в византийский период", где современные достижения археологии обобщаются и сопоставляются с данными письменных источников (№ 9-2).

Как и следовало ожидать, особое внимание уделяется в журнале теме "Византия и Пиренеи", представленной здесь в самых разных аспектах. В частности, именно в рамках этой темы можно рассматривать большую часть раздела "География", знакомящего с сокровищами испанских архивов. При отсутствии сенсационных открытий вводимые в научный оборот документы позволяют на новых примерах увидеть многообразие частных связей между византийским обществом и западным миром. Весьма убедительно в этом плане обширная работа того же А. Браво, опубликованного большое число брачных контрактов (см. статью "Греко-византийские документы, сохранившиеся в Испании, № 7-1).

Интерес к Византии побудил испанских историков заново проанализировать и некоторые из их отечественных памятников, в частности, знаменитые записки испанских путешественников – "Странствия и путешествия одного испанского идалго" Перо Тафура и "Посольство к Тамерлану" Гонсалеса де Клавихо.

Среди трех посвященных этим памятникам статей Хосе Очоа (№6-2, 7-2, 8) особого внимания заслуживает работа "Остров Родос и рыцари-госпитальеры св. Иоанна Иерусалимского в "Посольстве к Тамерлану"" (№ 7-2), комментирующая ту часть "Посольства", в которой рассказывается о пребывании на островах, принадлежавших Ордену, посланников испанского короля Энрике III. Статья вводит в научный оборот новые материалы по исторической географии и топонимике, ряд данных касательно архитектуры и торговли, а также новые детали истории международных отношений и военных конфликтов. У тех же путешественников почерпнуты интересные сведения о топографии, архитектуре, утвари, ритуалах монастырей Божьей матери Одититрии, Христа Пантографатора и св. Димитрия в Константинополе (см. статью А. Браво "Константинополь глазами Гонсалеса де Клавихо" и Перо Тафура "Монастыри". № 3). Эти исследования вносят новые штрихи в устоявшуюся картину византийского мира. Противоположная проекция – взгляд из Византии на Пиренейский полуостров – рассматривается Э.Д. Роландо на материале "Алексиады" Анны Комнины (кстати, автор статьи – удостоенный национальной премии переводчик "Алексиады" на испанский язык²).

Ряд статей посвящен взаимоотношениям Византии с народами Пиренейского полуострова. Так, в работе Р. Санц ("Нашествие византийцев в Испании Леовигильдо", № 6-1) пересматривается традиционная точка зрения на роль Византии в династических распрях и народных волнениях VI в. В другой статье этой серии – "Византия и Аль Андалуз, посольства и связи" – Ф. Ролдан, Р. Диас и Е. Диас приходят к выводу, что византийское влияние оставило глубокий

след на полуострове не столько в политической области, сколько в культурной; оно отразилось на художественных вкусах общества и в первую очередь на архитектуре.

Историческим эпизодам, связанным с наемным каталонским войском на византийской службе, посвящены статьи М. Морфакидиса: "Каталонское присутствие в Греции: отношения между греками и каталонцами в свете источников" (№8-2) и "Андроник II и Роже де Флор, причины конфронтации" (№8-1). В них привлекают внимание прежде всего наблюдения автора над тем, как греки представляли себе каталонцев, а каталонцы – греков.

Иной аспект взаимоотношений, лингвистический, рассматривается А. Альваресом, опубликовавшим в шестом номере журнала исследование о средневековых переводах с греческого на арагонский.

Следует отметить, что тема греческо-испанских связей далеко не исчерпывается в журнале пизантийским периодом. Эта область, не ограниченная никакими хронологическими рамками – объект постоянного внимания испанских эллинистов.

В остальном же тематика журнала и даже интересы одних и тех же авторов достаточно разнообразны. Исключение составляет, пожалуй, лишь Гонсалес Фернандес, опубликовавший цикл статей, посвященных раннему периоду византийской истории и объединенных темой борьбы языческой и христианской идеологий. Ученый полагает, что Афинская академия продолжила свое существование и после того, как Юстиниан запретил преподавать язычникам ("Юстиниан и закрытие Афинской академии", № 2), он дает новое толкование причин и обстоятельств гибели Ипатии ("Смерть Ипатии", № 6-2) и смерти Ария ("Исторические проблемы в связи со смертью Ария", № 5), излагает историю превращения античного храма в христианскую церковь (№ 9-1) и т.д.

И все-таки одна проблема стала в последние годы пользоваться предпочтительным вниманием испанских ученых: византийская историография. Не случайно именно ей в ноябре 1990 года были посвящены в Мадриде очередные "Дни Византии". Часть прочитанных там докладов вошла в последний, двенный том "Эритейи" (№ 11-12). Наиболее общий характер из них носит статья П. Шрайнера "Историография Византии в контексте западной и славянской историографии". Работа касается соотношения в историографии античных традиций и христианского менталитета, подчеркивает официальный характер большинства исторических произведений, рассматривает структурные особенности жанра и соотносит византийскую историографию с историческими произведениями Запада и славянского Востока.

Одна из особенностей византийской историографии, отмеченных П. Шрайнером, разрыв между языком образованных историков и тем, что бытовал в то время в обществе. Специально этой проблеме посвящена работа Хо-

² Ana Comneno. La Alexiada / Estudio preliminar y traducción de Em. Dias Rolando. Sevilla, 1989.

се М. Эген "Язык византийской историографии в свете лингвистической эволюции". Анализируя причины неприятия историографами народного языка, автор склонен видеть в верности классике стремление сохранить утерянную гармонию, поиски защиты от хаоса и разлада с современностью.

Среди материалов на историографические темы несколько статей молодого ученого Хосе А. Очоа. Они отличаются пристальным вниманием к источникам и подлинной филологической культурой. Это "Библиография творчества Иоанна Малалы" (№ 9-1), "О последних монографиях и изданиях Евнапия Сардского" — статья, в которой прослеживается использование произведения Евнапия более поздними историографами (№9-2)³, и опубликованная в № 11–12 «"Новая История" Зосимы и Суды» — сравнительное исследование тех разделов Суды, в которые попали цитаты из произведения Зосимы. Сопоставление оригинала и его отражения в Суде приводит Х.А. Очоа к выводу об определенной идеологической обработке текста Зосимы, имевшей цель очистить его от следов язычества. В то же время принцип подобного редактирования осуществлялся непосредственно, из чего автор заключает, что над приписываемыми Константину Багрянородному *Excerpta* (трудом, промежуточным между "Новой историей" и Судой) работали не один, а несколько авторов.

Новыми тенденциями, характерными для современных источниковедческих трудов, отмечена статья Хавьера Фаси и Доминго Пласидо "Историография вдали от города — взгляд на Нимскую Империю из монашеского уединения Зонары" (№ 9-1). Авторы не акцентируют нетрадиционные элементы, проникшие в византийскую хронистику с Зонарой: независимость его суждений, собственное отношение к излагаемым фактам, заботу о языке и стиле изложения. Показывая отличие Зонары от его источника (основная часть статьи — сопоставление текста Зонары с Дионом Кассием), Фаси и Пласидо склонны связывать эти новые традиции и с историческими сдвигами в обществе и с персональной судьбой историографа.

Статья Хуана Сигнеса в № 10-1 возвращает к проблеме авторства "Продолжателя Феофана". Сигнес утверждает, что Константин Багрянородный был автором не только "*Vita Basilii*", но и первых четырех книг Продолжателя Феофана. Доводы, приведенные Сигнесом в пользу авторства Константина Багрянородного, показались нам, однако, мало убедительными.

В разделе, посвященном собственно литературе, большая часть материалов относится к новейшему времени. Среди работ о византийских памятниках, помимо упомянутых выше,

отметим обстоятельный труд Ф. Родригеса Андрадоса о распространении в Европе басен греческого и индийского происхождения (№ 2). Испанский исследователь поддерживает версию, согласно которой путь в Европу многих сюжетов древнегреческого и индийского происхождения, минуя Древний Рим, пролегал через Византию. Аргументация подкрепляется, в частности, ссылками на средневековых испанских авторов. Весьма интересными наблюдениями в статье "Феодор Продром и Бен Гусман" делится Эльвира Гангутия (№ 4). Между двумя этими поэтами XII в. — византийцем Феодором Продромом и его современником — арабом Бен Гусманом исследовательница обнаруживает поразительное сходство. В их произведениях, совпадающих по жанру, прослеживаются не только тематические параллели, но, что достаточно неожиданно, и структурные, при этом оба ученых поэта обращаются к народному языку.

Опубликованные в № 9-2 "Агиографические заметки" А. Каждана — продолжение изысканий американского ученого в этом литературном жанре. Его агиографическая серия, печатавшаяся под соответствующими номерами в разных международных изданиях, в "Эритейе" представлена № 17–20 — это заметки о жителях св. Феодоры, св. Артемия, св. Льва Катанского и Иоанна Хрисостома.

Тема "Мим — светский театр в Византии", весьма скудно освещенная источниками, нашла отражение в названной так статье Мосхоса Морфакидиса (№ 6–2). Содержание статьи, однако, несколько уже ее названия: присоединяясь к мнению о существовании мимов на всем протяжении истории Византии, автор останавливается в основном на раннем периоде их истории, известном преимущественно благодаря сочинениям Иоанна Хрисостома. Вместе с тем, данные Хорикая использованы явно недостаточно, а более поздние свидетельства при беглом обзоре средневизантийского и особенно поздневизантийского периода вообще лишь упоминаются.

Что касается искусствоведческого раздела, то здесь на фоне статей ознакомительного характера, таких, как "Эстетика и смысл византийской иконы" Х. Надаля Канельеса, "У истоков византийской живописи" М. Кортеса Арреса (обе в № 6-1), или же трудов, касающихся вопросов более или менее частных, хотелось бы выделить две работы М. Анхеля Эльвиры («*Кувсисская скульптура в византийских эпиграммах "Антологии"*») (№ 4) и "Живые статуи Константинополя" (№8-1). Данные иконографии и археологии, соотношенные с литературными источниками, в первую очередь, эпиграммами Агафия, дают автору возможность воссоздать панораму скульптурного убранства византийской столицы и (особенно подробно) описать статуи, украшавшие Зевксипшвы термы Константинополя. В отношении византийских авторов к античным статуям М. Анхель Эльвира вслед за К. Манго и Ж. Дагноном обнаруживает сложное переплетение языческих и

³ Монографией Х.А. Очоа, посвященной Евнапию, открывается серия "Исследования и тексты", задуманная как своего рода приложение к "Эритейе". См.: *Ochoa José A. La transmisión de la "Historia" de Eunapio. Madrid, 1990.*

христианских представлений. Из тщательного анализа конкретного, четко ограниченного материала делаются интересные выводы по поводу менталитета рядового византийца, его отношения к произведениям искусства вообще и античного, в частности.

Интересный ракурс исследования выбран также Марией Х. Санц. Обратившись к не раз привлекавшим внимание искусствоведов и, казалось, бы досконально изученным мозаичным портретам Юстиниана и Феодоры в церкви Сан-Витале в Равенне, она поставила своей задачей найти аналоги украшениям, деталям одежды, ритуальным предметам, выполненным в мозаике, в реальных образцах римского и византийского искусства, дошедших до наших дней. В статье Санц (№11–12) приводится множество фотографий и описаний крестов, ожерелий, брошей, фибул и т.п., хранящихся в разных музеях мира, и, как показывает автор, почти полностью соответствующих тем, что изображены на равенских мозаиках. Великое произведение искусства выдерживает таким образом еще один экзамен — на точность запечатленных в портретах аксессуаров.

Наиболее, пожалуй, цельным и четко ориентированным предстает в "Эритейе" ее лингвистический раздел. В работах проф. Педро Баденаса и его учеников последовательно прослеживается история греческого языка начиная от средневековья и вплоть до современности, причем акцент исследований — формирование языка в его народном варианте. Характерны

в этом плане результаты анализа копенгагенской рукописи "Морейской хроники", полученные Гоийтой Нуньес (№ 4), статья Хосе М. Энеа "Язык города в XII в." (№ 8-2), работы самого П. Баденаса "Греческий язык в раннем средневековье" (№6-1) и "Первые позднесредневековые тексты на народном греческом языке" (№6-2). Здесь уместно упомянуть также и другие труды этого испанского филолога, видного специалиста по средневековой и новогреческой словесности. Так, под скромным названием "Афинская рукопись о строительстве св. Софии" им опубликован интересный анализ разнообразных материалов, отражающих народную интерпретацию создания св. Софии на протяжении веков (№ 4). Практически неизвестные страницы истории греческого театра, связанные с его становлением в поствизантийский период, открываются в его статье "Дмитрий Мосхос и проблема греческого театра между 1453 годом и критским Возрождением" (№ 7-2). Знаеток греческого фольклора (см., в частности, его статью в № 2 "Новый греческий песенник"), поэт, переведший на испанский язык всего Кавафиса и Сефериса, Педро Баденас для Пеня — один из тех энтузиастов, благодаря усилиям которых родилась "Эритея".

Как мы пытались показать, возглавляемый им журнал имеет свое лицо и вправе претендовать на внимание византистов не только в Испании, но и за ее пределами.

Я.Н. Любарский, Н.Г. Рудина

K ü h n H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. (Byzantinische Geschichtschreiber. Ergänzungsband 2). Wien, 1991. 326 S.

Византистика не избалована исследованиями истории тагмных войск, игравших огромную роль в империи с середины X в. В этом отношении появление монографии Х.-И. Кюна — событие. Целью работы, представленной в 1988 г. как диссертация в Тюбингенском университете, является "попытка целостного изображения организации византийской армии" X–XI вв. с акцентом на судьбу такой ее "элитной части" как тагмы (с. 31). Исследование строится "структурно-исторически", т.е. организация тагм изучается в развитии, а не статично. Хронологические рамки разбора Кюн, однако, вынужден расширять хотя бы потому, что четыре тагмных формирования (сколы, экскувиты, вигла и иканаты), генетически восходя к поздней античности (с. 39, 72), приобретали все больший вес уже с VIII в. Что же касается разделения истории тагмного войска на два периода (в монографии, соответственно, на две основные части), то это определяется значимостью военных преобразований середины X в., так называемой реформы Никифора II Фоки.

Кстати, именно характер оценки Кюном данных преобразований в известной мере обуслов-

ливает методику работы и ее структуру. С одной стороны, он признает важность учета социального и экономического фона "реформы", а Никифора II называет представителем "нового социально ведущего слоя крупных землевладельцев, возвысившихся благодаря службе в армии", окончательно "отвернувшимся" от "широкого среднего сословия фемных стратиотов" и сделавшим ставку на "военную аристократию" (с. 126). С другой стороны, исследователь считает целесообразным говорить именно о реформе, усматривая в ряде соответствующих явлений X в. "выходящие за рамки нормально развития волевые акты преобразований", и хотя есть известный риск в разговоре о военных преобразованиях именно Никифора II, все-таки, по Кюну, этот император — "создатель нового византийского военного порядка" (с. 124, 126). Но специальное изложение социального фона реформы в данной книге Кюн не считает возможным.

Отсюда главное внимание автора направлено на эволюцию организационной структуры тагмных формирований, в которой как системообразующие элементы представлены для VIII —